

С. С. КОМИССАРЕНКО,

декан заочного факультета СПбГУП, кандидат педагогических наук

ДУХОВНАЯ ЭЛИТА: ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ

Термин «элита» прочно вошел как в научный оборот исследователей, занимающихся проблемами социологии, истории, педагогики, культурологии, так и в повседневный обиход.

Сегодня в нашем обществе действуют разнообразные макроэлиты — политическая, экономическая, научная, техническая, культурная. Все они, в свою очередь, делятся на

микроэлиты — инженерную, информационную, компьютерную, духовную и т. д.

Интерес к элитам связан с острой социальной потребностью поиска в обществе референтных групп, во-первых, имеющих качественные отличия от остальных членов социума, а во-вторых, способных выступать субъектом самоидентификации. Такие группы наделяются в общественном сознании чертами избранности и исключительности, обособленности и недостижимости.

Действуя в социальном пространстве, элиты выполняют определенное предназначение, суть которого заключается «в силе влияния на других и на ход общественных событий»¹. В теории элит П. А. Сорокина критерием отнесения человека к их составу выступает степень или ранг влияния данного лица на поведение других людей, а благодаря этому и на ход социальных процессов. Оценочная функция содержания человеческой деятельности не имеет решающего значения: «безнравственна или нравственна, полезна или вредна, красива или безобразна, справедлива или несправедлива, плоха или хороша эта деятельность с точки зрения различных людей»². П. А. Сорокин пишет об элитах вообще, не касаясь их различий, однако элиты имеют широкий спектр классификаций и сильно различаются между собой. Так, отличием духовных элит от элиты политической, экономической или профессиональной является первичность нравственных начал. Духовная элита определяется в первую очередь тем, что она «ищет новые нравственные идеалы, пути воспроизводства большого общества, новые более совершенные, достойные средства единения людей, более высокие цели»³.

Состав духовной элиты как культурно-статусной группы любого общества, определяется содержанием духовных интересов людей не по вертикальной стратификационной шкале, а по горизонтальной линии социальных позиций. Неизменно представляя собой меньшинство, духовная элита менее всего одержима внешними успехами и стремлением выделиться, привлекая к себе общественное внимание. Ее удел заключается в непрерывной, почти невидимой для общества, но всегда продуктивной интеллектуальной деятельности. Работая изо дня в день, ее представители, как правило, не получают признания у современников. Лучшие люди

России уходили из жизни непонятыми, а иногда и преднамеренно не замеченными. Но в дни всенародных бедствий, социальных конфликтов и кризисов духовная элита оставалась единственным ориентиром в обществе и его последней надеждой. Она всегда выступала критерием нравственности и правды, по которому общество сверяло температуру своего душевного здоровья. Слово, произнесенное человеком элиты, всегда оказывалось значимым, а мнение востребованным. Таковым было слово Д. С. Лихачева; таковым является слово А. И. Солженицына.

Уникальной способностью влиять на других людей обладали личности яркие, энергетически сильные, наделенные качествами настоящих подвижников русской мысли. Их отличие от остальных состояло в духовном авторитете, одинаково признававшемся всеми членами общества. Духовный авторитет заключался не только в сумме определенных личностных свойств, но и в способности видеть и находить достоинства у других, ценить интересы и мнения тех, кто находится рядом. Это уважение к личности другого, умение сострадать и остро воспринимать чужую беду всегда было характерно для отечественной духовной элиты.

В России ядро духовной элиты традиционно составляли писатели. Заслуга русской литературы заключалась в том, что она содействовала выведению личности писателя за пределы профессиональной принадлежности. Русские писатели выдвинули новые критерии понимания ценности человека, которые включали в себя оценку нравственных установок и моральных принципов, умения оригинально и независимо мыслить, а также формулировать вопросы и находить неординарные ответы на проблемы современной действительности. В литературной среде талант, нравственное здоровье и оригинальность мышления ценились выше, чем имущественный ценз и происхождение. Литературная среда, аккумулируя вокруг себя талантливых и самобытных людей своего времени, во многом способствовала формированию духовной элиты. Писатели, критики, публицисты составляли ее основной костяк и воздействовали на данный процесс выдвигаемыми критериями, которые становились во главу угла при оценке человеческой личности. В русском обществе XIX века представления о дельном литераторе связывались с понятием «высоконравственное лицо», а занятие литературой требовало от человека «чистых рук» и «возвышенного характера»⁴.

¹ Сорокин П. А. Система социологии. Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. Т. 2. М.: Наука, 1997. С. 447.

² Там же.

³ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России. От прошлого к будущему). Т. 1. Новосибирск, 1991. С. 190.

⁴ Анненков П. В. Замечательное десятилетие. 1838–1848 // Литературные воспоминания. М., 1989. С. 317.

Начиная со второй половины XVIII столетия отечественная литература была неразрывно связана с процессом формирования русской мысли. И хотя литературу этого времени еще нельзя назвать «свободным выражением идей», в ее недрах уже пробивались новые ростки, способствующие зарождению того самостоятельного значения, которое впоследствии выполняло «роль первостепенного агента культуры»¹. Русские писатели «не могли оставаться в пределах литературы, они переходили эти пределы, они искали преобразования жизни. И у них являлось сомнение в оправданности культуры, в оправданности собственного творчества»².

Духовная элита не может появиться сама по себе, но всегда является искусственным образованием. «Взращивание» элиты — процесс сложный, кропотливый и многолетний. Исторически сложилось так, что в России центрами по формированию элиты становились учебные заведения, где создавались условия для самосовершенствования и самовыражения личности. Среди учебных заведений именно университеты являлись теми заповедными «питомниками», из которых выходили лучшие представители российской духовной элиты.

Московский университет по праву может быть назван одним из первых учебных заведений, где в 30–40-е годы XIX века сформировалась целая плеяда замечательных людей. В это время московский университет становится не только центром образования, но и средоточием интеллектуальной жизни России. В русском обществе это было явление новым и необычным как по масштабу деятельности, так и по ее влиянию на состояние умов. В России учебные заведения никогда не обладали таким социальным воздействием, тем более не проявляли его столь энергично и решительно, как это делал университет в Москве.

После разгрома декабрьского восстания Петербург замер в своем духовном движении. В нем уже не зарождались новые общественные идеи, не проявлялось «брожение» умственной жизни. В сущности, петербургское существование стало отголоском напряженной духовной московской жизни, которая сосредоточилась в стенах московского университета. Причины, обусловившие возвышение университета, Герцен видел в следующем. Во-первых, после 1812 года значение университета выросло вместе с Москвой, которая стала «столицей русского народа». Во-вторых, его

географическое положение позволило стекаться в него молодежи со всех губерний и уездов России. В-третьих, в Москве не было царя. Что касается существа преподавания и низкого уровня научной и профессиональной подготовки преподавателей, то Герцен писал: «Профессура составляла два стана, или два слоя, мирно ненавидевших друг друга: один состоял исключительно из немцев, другой — из не немцев. Немцы отличались незнанием и нежеланием знать русский язык, хладнокровием к студентам, духом западного клиентизма, ремесленничества... Не немцы, со своей стороны, не знали не одного (живого) языка, кроме русского, были отечественно раболепны, семинарски неуклюжи, держались, за исключением Мерзлякова, в черном теле и вместо неумеренного употребления сигар употребляли неумеренно настойку. Немцы были больше из Геттингена, не немцы — из поповских детей»³.

В 1833 году с назначением С. С. Уварова министром просвещения изменилась концепция подхода к высшему образованию в России. Суть перемены заключалась в замене профессуры из «немцев» на новую, русскую профессуру. С этой целью министерство значительно увеличило число выпускников, посылаемых за границу «усовершенствоваться в науках». В своих воспоминаниях о московском университете Б. Н. Чичерин особо выделил в реформе обновления московского университета роль его попечителя графа С. Г. Строганова. В частности он писал: «При нем университет весь обновился свежими силами. Все старое, запоздалое, рутинное устранялось. Главное внимание просвещенного попечителя было устремлено на то, чтобы кафедры были замещены людьми с знанием и талантом. Он отыскивал их всюду, и в Москве, и в Петербурге, куда он ездил с целью приобрести для университета подававших надежды молодых людей. Он послал Тимофея Грановского за границу, а Евгения Корша перевел библиотекарем в Москву. При нем вернулись из Германии посланные уже прежде П. Редкин, Н. Крылов, Д. Крюков, А. Чивилев, Ф. Иноземцев, а затем постепенно вступили на кафедры К. Кавелин, П. Кудрявцев, Ф. Буслаев, М. Катков. Из-за границы молодые люди возвращались в Россию, воодушевленные любовью к науке, полные сил и надежд»⁴. Проходя стажировку, молодые ученые знакомились с течениями немецкой философской мысли, формировали мировоззренческие

¹ Анненков П. В. Указ. соч.

² Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М., 1997. С. 70.

³ Герцен А. И. Былое и думы. М., 1987. С. 101.

⁴ Чичерин Б. Н. Воспоминания. // Русские мемуары. Избранные страницы (1826–1856). М., 1990. С. 189.

позиции, вырабатывали систему глубоких знаний. В результате в московском университете сформировалась целая когорта молодых, талантливых профессоров, способных удовлетворить духовные потребности нового поколения российского студенчества.

Одним из ярких представителей московского студенчества 30-х годов был Н. В. Станкевич. В нем воплотились качества и черты истинного представителя духовно-интеллектуальной элиты. Натура чистая и светлая, глубокая и искренняя, талантливая и обаятельная, он воплощал в себе все лучшие качества, присущие его поколению. Станкевич был лишен какого бы то ни было фрондерства и позы, избегал красивых слов и пустых фраз. Ему была присуща глубина мысли, изящность вкуса, чуткость и доброта.

Поступив в 1830 году на словесное отделение, Николай Станкевич объединил вокруг себя пытливых и одаренных университетских юношей. Среди них были Я. М. Неверов, О. М. Бодянский, С. М. Строев, Б. П. Боткин, В. Г. Белинский, М. А. Бакунин и многие другие. Станкевич стал центром притяжения, энергетической силой, своевременно объединившей их в общину мыслителей. Для студентов круга Станкевича было характерно единое понимание бытия, одинаковое стремление к самопознанию. Они увлекались эстетикой Шеллинга, философией духа Гегеля, поэзией Гете, драматургией Шекспира, творчеством Бетховена и Шиллера. Его духовный авторитет, одинаково признаваемый всеми студентами московского университета, не довлел над ними, не затмевал индивидуального проявления каждого. Он создавал в студенческой среде атмосферу взаимного уважения и понимания.

Велико было влияние Н. В. Станкевича на Т. Н. Грановского, с которым он познакомился в 1834 году. После их первой встречи Грановский стал его ревностным почитателем. Станкевич также высоко ценил ум историка, его всестороннюю образованность и ду-

шевность во взаимоотношениях. Грановский и Станкевич были близки друг другу не только благодаря научным интересам, стремлению к познанию и самосовершенствованию, но и личными качествами. Они относились к одному типу человеческой личности, для которой характерна «живучая совесть». Разница между ними состояла лишь в том, что Станкевич не успел реализовать в жизни свой огромный духовный потенциал, тогда как Грановский проявил свои недюжинные способности в неутомимой деятельности в стенах московского университета. Благодаря ему университет стал центром общественной жизни Москвы в 40-е годы. Цикл публичных лекций по средневековой истории Англии и Франции, который он начал читать с 23 ноября 1843 года, стал настоящим культурным и социальным событием московского общества. Заслуга Грановского состояла в том, что он вывел университетскую жизнь за стены аудиторий. На его лекции съезжалась вся «образованная» Москва того времени.

Жизнь московского университета не сводилась лишь к образовательной деятельности, а имела истинно просветительскую миссию. Опыт московского университета, в котором формировалась российская духовная элита, составляет замечательное наследие для новых поколений университетов. Предназначением университета по существу должно быть создание условий, позволяющих не столько осваивать и копить знания, заполнять свою память информацией и потреблять готовые истины, сколько формировать духовные начала в молодых людях. Воспитание души требует больших затрат как со стороны студента, так и со стороны университета. И сегодня только университеты остались теми единственными заповедными местами в нашем обществе, где слова «духовность» и «нравственность» не звучат фальшиво и наигранно. Это оставляет надежду на то, что новое поколение духовной элиты возродится и сохранится.